

Василий ВЕДЕНЕСЕВ

Алексей КОМОВ

ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО ЗВОНКА

2013

Милицейские рассказы

Василий Веденеев

После третьего звонка...

«Мульти Медиа»

1985

Веденеев В. В.

После третьего звонка... / В. В. Веденеев — «Мульти Медиа», 1985 — (Милицейские рассказы)

Это первая повесть из цикла «милицейских рассказов» известных авторов. Написанная более двух десятков лет назад, она и сейчас интересна и актуальна. Здесь нет крови и страшных маньяков, горы трупов и «отмороженных» братков. Все действие происходит в околотеатральных кругах (прообразом стал сверх популярный в то время «Театр на Таганке»). Поэтому даже главный злодей в чем-то симпатичен. Стоит отметить и хороший литературный язык повести. Однако все это не помешало в то время дать отказ в публикации одним из руководителей популярного тогдашнего СМИ, а ныне ярого проповедника всяческих свобод, по причине излишней смелости в суждениях об обстановке в милиции перестроечного периода.

© Веденеев В. В., 1985

© Мульти Медиа, 1985

Содержание

1	5
2	6
3	9
4	10
5	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василий Веденеев, Алексей Комов

После третьего звонка...

1

...Пронзительный женский крик ударился о толстые стены темных домов, заполняя старый московский переулок.

– Ро-о-одненькии! Как же это?! Боже мой, ну хоть кто-нибудь, помогите!!!

Люди отодвигали плотные занавески на окнах. Но увидеть, что произошло, было невозможно – мешала еще не опавшая листва.

– Господи, за что? Как дальше-то жить?! – несчастная уже задыхалась в рыданиях.

Самые непроницательные поняли – произошло нечто ужасное. Может, даже...?

Захлопали двери подъездов, подходили и останавливались прохожие.

Свет фонарей едва пробивался сквозь густые кроны деревьев. И сейчас, в этой полутьме, трудно было разобраться из-за чего шум. Каждый, вольно или не вольно, в первые мгновенья искал глазами распростертое тело.

Тела не было.

Женщина в дорогом платье полусидела у радиатора «Жигуленка», горестно раскинув руки на капоте. Временами она, не прекращая – причитать, нежно поглаживала его, как родное существо. Автомобиль отвечал печальным скрипом покореженной передней дверцы. Стекол – лобового и заднего – не было вообще. Их мелкие осколки густой льдистой россыпью лежали внутри салона и на мостовой. В тусклом свете фонарей они отливали голубым. Фары были изуродованы, словно машина стала жертвой вендетты.

– Кто же это так?.. – судорожно всхлипывала женщина в дорогом платье, – ...Изверги...

– От ить... – растерянно говорил лысаватый мужчина в сером костюме с очень ярким галстуком. Он топтался у растерзанного автомобиля, хватаясь то за одно, то за другое. Потом остановился, жалостно глядя на людей, собравшихся вокруг.

– От ить как, – кроме этой бестолковой фразы он ничего выдать из себя не мог. Наконец ему удалось сойти с мертвой точки.

– От ить... Неделя, как систему поставил. Колонки. Две штуки «Саней». Четыреста пятьдесят восемь рубчиков! Нету... Меховые чехлы под медвежью шкуру достал. По три сотни каждый...

Зачем он говорил все это молчаливо окружавшим его людям? Но мужчину с лысиной на затылке «прорвало» и остановиться он не мог и не хотел.

– ...Японская противоугонная система. Приятель привез. Хвалил. Пятсот выложил. Нету!.. Приемник в коммиссионке по случаю взял, «Грюндик». Тоже нету!!!

Покачивалась на петлях измятая дверца. Люди тихо обсуждали происшедшее. Мертвенно-белый свет фонаря путался в желтых листьях, которые никак не хотели опадать...

– ...Щетка-сметка – пять тридцать две. Нету!!!

2

Георгий быстро шел по тротуару, временами переходя на рысцу. Прохожие удивленно оглядывались. Но Литвину было не до приличия. Он бы и вовсе побежал, только сил не было. Кружилась голова и тяжело ухало сердце. Сейчас бы лучше всего – поспать. Только часы показывали уже девять сорок три.

В девять сорок пять начинается пятиминутка. А пятиминутка в МУРе священна. Так сложилось десятилетиями. Если ты не на задании или не тяжело болен – ровно в девять сорок пять должен быть в кабинете начальника. Опаздывать не рекомендовалось. Тем более, сейчас, при Трубникове.

Отношения Георгия с Борисом Николаевичем и ранее весьма прохладные, теперь, когда начальник отдела слег в госпиталь с обширным инфарктом, стали совсем близки к полному неприятию.

Как назло, именно в последнее время у Литвина случилось несколько досадных сбоев. Не слишком серьезных, но сбоев. Такое в работе у каждого бывает. Но тут Георгий заметил, что очень быстро, с теми же самыми показателями из лучших инспекторов, вдруг перешел в средние, потом в «ниже средних». Трубников, которого за глаза, почти сразу, с его приходом стали называть «Граммфоном», в своих трескуче-патетических выступлениях на общей пятиминутке начал упоминать Литвина среди «отдельных сотрудников, недостаточно понимающих... не дающих должного отчета... ставящих на грань срыва... недопустимо затягивающих...» и прочее, прочее...

Причин такой неприязни Литвин понять никак не мог. Все его предположения, даже самые фантастические, не выдерживали никакой критики.

На самом деле все было очень просто и обыденно. Истоки плохого отношения к Литвину у Трубникова были в молодости. То есть не конкретно к Георгию, а к таким как он.

Еще в начале своей деятельности Борис Николаевич понял, что никакими особыми способностями он, к сожалению, не блещет.

И честно в этом признался. Понятно, только самому себе.

Поразмыслив, молодой Трубников в один из дней пришел к выводу, что искать краденое, задерживать преступников и, вообще, раскрывать преступления, дело, ко всему прочему, не столько романтическое, сколько весьма хлопотное и подчас небезопасное. Писать косые резолюции и требовать от подчиненных их скорейшего выполнения «не взирая и не принимая никаких...», контролировать с вдумчивым видом деятельность других, было куда проще. Там, как считал Трубников, недостаток профессионализма можно при определенных навыках, скрыть за маской важности и деловитости, за громогласными речами и подчеркнутым вниманием к указанию вышестоящих руководителей, за... Чего перечислять, есть сотни способов маскировать неспособность за декорациями разных форм и цветов. И потому Трубников твердо решил стать начальником. Тем более, то было время решительного избавления от старого..., ошибочного... и, с другой стороны – безоговорочной веры в свежее, молодое, гремящее.

Стремительной карьеры так и не вышло. Речами таланта не заменишь. Многие сверстники Бориса Николаевича шагнули ого-го как высоко, отличились, видишь ли. Он даже было махнул рукой с годами – ну и пусть вечный зам. Тоже неплохо.

И вдруг этот инфаркт у начальника, врачи говорят, что случай весьма тяжелый и неизвестно, когда Попов сможет вернуться в отдел, если сможет вообще вернуться.

Тут Трубников понял, что судьба дает ему последний шанс. Упустит – тyani лямку до пенсии, смирись до седины с ролью мальчика на побегушках.

И он решился. Нужно действовать. Прежде всего, избавиться от чужих ему людей в отделе. Только свои, кому можно доверять! Никаких умников!

Трубников уже и.о. начальника отдела допускал мысли, что можно примириться с «поповскими любимчиками», такими как Астахов, Бойцов, Литвин.

Дело было не в том, что они были «любимчиками» прежнего руководителя. Суть неприязни пряталась много глубже. Трубников – это, прежде всего, чиновник с посредственными способностями, которого делало кресло, которое он занимал. Лишившись его, он превращался в ноль. У тех же, наоборот, талантом и знаниями они сами придавали индивидуальность стандартно-безликим функциональными обязанностям. А потому, мира между ними не могло установиться не могло.

Но Астахова и Бойцова Борису Николаевичу убрать с хода было трудно – «зубры» сыска. Литвин – дело другое. Во-первых, самый молодой. Умничает. Трубников не раз со злобой вспоминал, как на обсуждении у Попова Литвин разбил все его предложения. Все с трудом сдерживали улыбки. И не придерешься – вежливый, образованный, на двух языках свободно говорит. Противный тип. Во-вторых, опыта у него поменьше, чем у остальных. Лягаться с поднаторевшим в интригах замом ему будет нелегко.

И поэтому, первым Трубников подписал приговор Литвину. Но тот пока ничего понять не мог...

...Литвин влетел на Петровку-38 с Колобовского переулка, на ходу махнул постовому удостоверением и помчался вверх по лестнице на четвертый этаж. Лифт, как всегда, был занят.

На ходу скинул плащ, не входя в свою комнату, через открытую дверь бросил его на стул и помчался к кабинету начальника, где уже начиналась пятиминутка.

Он тихо вошел в кабинет. Трубников, наклонившись, копался в своем столе, и Георгий успел усесться в уголке, около сейфа, спрятавшись за спинами ребят.

Сводка происшествий была обычной. Трубников читал каждое сообщение, попутно давая распоряжения сотрудникам. За большим начальственным столом он выглядел внушительно. Широкие плечи, аккуратная колодочка с ленточками юбилейных медалей, костюм, сшитый в ателье «Мопс», налет седины в волосах.

В конце пятиминутки Борис Николаевич снял солидные очки в роговой оправе и обвел собравшихся внимательным взглядом.

– А почему я не вижу капитана Литвина? Он что, опять опаздывает?

– Я здесь! – Литвин приподнялся со стула.

Трубников внимательно посмотрел в угол, откуда раздался голос, словно хотел удостовериться, Литвин ли это на самом деле? Потом еще раз перебрал бумаги на столе и, не найдя ничего нового, распорядился:

– Все свободны. Работайте. А вы, Литвин, спуститесь, пожалуйста, в приемную. У Антонины Ивановны кое-что есть для вас.

Это «кое-что» Георгия совсем не обрадовало. Не заходя к себе, он пошел бесконечно длинным коридором к внутренней лестнице, спустился на третий этаж. Хотелось спать и болела голова. Но спать нужно по ночам, а не гулять до утра, зная, что завтра на работу. Хотя, с другой стороны...

Литвин подошел к двери приемной и, осторожно приоткрыв ее, заглянул. Тоня, как звали между собой вечно молодую Антонину Ивановну, секретаршу начальника МУРа, работавшую на Петровке с незапамятных времен, – в одиночестве печатала на машинке. Георгия это вполне устраивало.

– Здравствуйте, Антонина Ивановна, – войдя в приемную, он постарался улыбнуться мило и жизнерадостно.

– Ах, Георгий, – укоризненно покачала головой Антонина Ивановна, – совсем ты себя не бережешь. Пора за ум браться. Женился бы.

– Не могу. Целибат у меня. Обет безбрачия. Как у католического священника. Женюсь – какой сыск? О другом думать буду. А что, очень страшный вид?

– Как тебе сказать... – дипломатично ответила Антонина Ивановна. – Поменьше мелькай в коридорах.

– Само собой... Зачем вызывали не знаете? Может, премия?

– Премию заслужить надо, – наставительно сказала она. – Пока только шанс получить ее.

– У меня и так восемь шансов в производстве. Не знаю, куда деться. С премиями – хуже.

– Расписывайся...

Литвин открыл журнал, поставил подпись, вышел из кабинета и на ходу стал изучать листок.

Это было заявление от гражданина Минова В.П. о «возмутительном бездействии» районной милиции по факту ограбления автомобиля «Жигули». К заявлению прилагался длинный список похищенных вещей «Магнитофон „Саней“ /Япония/ – пятьсот двадцать рублей, меховые чехлы /2 шт./ – по четыреста рублей, приемник „Грюндик“ – четыре сто сорок...» Список замыкала щетка-сметка за семь рублей тридцать две копейки.

«Что-то дорогая щетка», – подумал Литвин. Хотя нельзя было не признать, что над машиной гражданина Минова В.П. кто-то хорошо поработал.

Многочисленные резолюции на заявлении предписывали в кратчайшие сроки принять все меры к розыску похищенного и установлению личности виновного. Среди них выделялась одна, написанная ярко оранжевым фломастером. Именно в ней указывался конкретный исполнитель. Резолюцию эту наложил Трубников.

3

Настроение испортилось окончательно. Прежде всего сейчас действительно и без того достаточно дел. Не таких уж простых. Это заявление, кроме того, и вовсе не по линии их от дела. Но, указав Литвина в качестве исполнителя, «Граммофон» отрезал все возможности переправить заявление по назначению.

А еще автомобили... В отделе все знали, что он считает их создание «отрыжкой цивилизации», за которую человечеству еще долго придется расплачиваться.

Нет, не от рождения он стал автофобом. Более того, уже в девятнадцать он лихо носился на отцовском «Москвиче», катая замиравших от его мастерской езды симпатичных и пугливых подружек. Копил на собственные «колеса», подрабатывая на тяжелых, но хорошо оплачиваемых работах. И все бы нормально, не попади он в начале своей службы в отдел розыска ГАИ. Вид разбитых машин и печальные судьбы их хозяев стали постепенно подтачивать убежденность в абсолютной полезности личных «стальных коней». Когда же в аварии погиб его друг, у Георгия окончательно сформировалась новая точка зрения относительно автомобилизации. Перевод из ГАИ на Петровку воспринял как дар судьбы. Всем видам транспорта предпочитал метро. В машину садился только в тех случаях, когда дело не ждало. Нет, он просто не признавал индивидуальные автомобили и все!

Как бросившие курить не признают табака. А когда его слишком сильно донимали всякими шутками, он наставительно говорил: «Один мудрый, – не в пример некоторым, – дед говаривал мне, что бог создал человека для того, чтобы он сам ходил по земле. А машина – это от л у к а в а г о...»

И вот «лукавый» подсунул...

Литвин вошел в комнату, сел за стол, поискал глазами плащ. Кто-то из ребят уже повесил его на крючок за дверь. И за это спасибо.

Прикрываясь рукой, он сладко зевнул, выпил аналгинчику и, собравшись с силами, взглянул еще раз на заявление. Надо было хотя бы составить план действий.

Вверху исписанного листа криво и ехидно усмехалась оранжевая резолюция...

4

Шагая по переулку, Литвин все больше раздражался. Места другого не нашли! Новых районов игл мало? Нет, обязательно свои черные дела здесь, в старой Москве, проворачивать надо.

Литвин был потомственным коренным москвичом. Поэтому старую часть города любил трепетно и нежно. К улицам, переулочкам, домам, тупичкам и скверикам он относился не как к памятникам архитектуры или, скажем, садового искусства далекого прошлого, а как к живому существу, со всеми его слабостями и причудами. Да, собственно, так оно и есть. Только почувствовать эту особенность Москвы трудно. Здесь не помогут путеводители, экскурсии, рефераты. Ее надо чувствовать кончиками нервов. И тогда вдруг все переменится. С лепного карниза улыбнется лукаво изящная нимфа, зашуршат, завораживая, гипсовые крылья летучих мышей, сплетенные в причудливый узор. Тихо и грустно зашумят мудрые деревья маленьких сквериков. Сколько здесь давалось клясть? А вот старенький кривой переулочек. Вроде и не построен, а сам пророс, пробиваясь между домами. Поманит в прохладную свою глубину и неожиданно покажет за очередным поворотом церквушку такой необыкновенной красоты, что и чудо рядом с ней будет мелким событием. И небо над этими домами другое. И сирень над лавочками. И дворики те самые, «поленовские». И воздух чист и свеж, словно нет рядом грохочущей пыльной магистрали. И по утрам выпадает роса...

А тут – преступление.

Участковый остановился напротив серого трехэтажного дома.

– Вот здесь стоял... – он зачем-то притопнул, словно пробуя на прочность старый асфальт, и добавил, уточняя, – Автомобиль, в смысле...

Литвин посмотрел под ноги, на дорогу, покрытую редкими, темными мазутными пятнами с прилипшими к ним желтыми листочками. Взглянул на дома, затененные кронами деревьев, на глухую заднюю стену нового здания старого московского театра из красного кирпича.

Никаких особых следов или тайных знаков. Что найдешь, спустя три дня после совершения преступления?

Все чисто и обыденно. Да, собственно, что – три дня. Он посмотрел в районном управлении материалы дела. Ни отпечатков пальцев, ни надежных свидетелей. Только так, – кто-то что-то слышал, где-то кто-то промелькнул не то в семь, не то полдевятого. Зацепиться не за что – ни уму, ни глазу. А ведь ребята из РУВД грамотно поработали. Грех гражданину Минову на них жаловаться.

– Ну что, интересно? – с заботливой иронией спросил участковый.

Литвин неопределенно пожал плечами.

– Слышь-ка, Пал Степаныч, а старушек, ну, из тех, что на лавочках с утра до ночи сидят, не пробовали поискать? Может, хоть одна какая отыскалась?

– Пробовали, – Кудрявцев, сосавший «Астру», сплюнул прилипший к губе табак, – не сидят сейчас до темна старушки. Захолодало вечерами.

Георгий понимающе кивнул. Еще постояли. Наконец он первым предложил:

– Может, пойдем?

– Пошли, – равнодушно согласился участковый.

Он не скрывал, что считает это дело безнадежным и потому скучал от пустой траты времени. Но вдруг, перекладывая из руки в руку потертую полевую сумку, называемую с незапамятных времен на милицейском жаргоне «лентяйкой», предложил:

– Может, к другому театру сходим?

– Зачем? – удивился Литвин.

– Там такой же случай был. У меня их уже три в этом сезоне.

– Вы, Пал Степаныч, уже по театральному время считаете, – усмехнулся Георгий.

– Засчитаешь... – Кудрявцев злым щелчком отправил окурок в облезлую урну. – Достался участочек!.. Я сначала радовался: повезло наконец, на старости лет. Жилой сектор небольшой, винных отделов мало, пивных и тех нет. Сплошная культура: кино, союзы разные, писателей там, художников, театры. Повышай культурный уровень без головных болей. Так на тебе!.. Лучше бы пивная...

– М-да, – сочувственно протянул Георгий. – Неужели по всем трем никаких зацепок?

– Какой там. Одни заявления да протоколы. Ребята из розыска скоро от пострадавших прятаться будут. А мне куда прятаться? Вроде как привидение по участку машины курочить. Два работника быта-сбыта и из ресторана – один.

– Что ж, по-вашему, они самые богатые, что ли?

– Не знаю, – буркнул Кудрявцев. – Только ежели по сумме ущерба судить, они всю жизнь на эти машины работали, даже не ели, не пили и ходили в чем мать родила.

– И как, похоже?

– Что? – не понял сразу Кудрявцев. – А-а... Нет, не очень. Одеты вполне прилично. В дефицит.

– Понятно...

Они вышли на бульвар и неспешно двинулись по аллее к центру. Впереди чернел старый памятник. Вокруг скамеек громко крича, бегали детишки дошкольного возраста.

– Наряды надо бы усилить, – вяло посоветовал Литвин.

– Наряды... – фыркнул Кудрявцев. – Сколько у меня тут культуры? Одних только театров! Машины тоже, не в одном месте паркуют. Ставят куда ни попадя, где место увидят, там и тормозят. Я что, к каждой машине часового приставлю? Тут не только всей милиции, дружинников не хватит...

Георгий и сам знал, что совет не слишком полезный. А что делать? Ощущение как в детстве, когда в пионерском лагере ребята из первого отряда дали поддержать ему, малышу, ужа. Скользкий, холодный, противный, с каким-то приторным запахом. Маленький Жора, прищурив глаза, сжал его ручонками около головы и держал не отпуская, хотя было противно. Иначе прослывешь трусом. Потом долго тер руки мылом и щеткой, пытаясь очистить уже давно не существовавшую осклизлость.

Вот и сейчас так же. Дело с первого взгляда банальное, но скользкое и противное. И бросить нельзя. Как того ужа. Надо работать. То есть, предполагать. Ничего другого не остается. Понятно только одно. Простота здесь кажущаяся. Действует неглупый человек, опытный и расчетливый.

Вторую половину дня Литвин провел в районном управлении, снова и снова дотошно просматривая все материалы дел. В глубине души теплилась слабая надежда – может, упустили какую-то мелочь, которая и окажется ключиком ко всему поиску. Ну, хоть мельчайшая зацепка.

Ничего. Фортуна упрямо стояла к нему спиной.

Обождать три машины, практически в самом центре города, взять кучу вещей и дефицитных деталей, не оставив ни одного отпечатка пальцев, не попав на глаза ни одному свидетелю... Мистика! Поневоле начнешь верить в привидения. Но привидения не пользуются металлическими заостренными предметами, проще, «фомками», когда вскрывают автомобили. Да и зачем призраку «Грюндики» и «Шарпы»?

Как день начался, так и продолжается. Все наперекосяк. «Пасынок Мельпомены» не стремится к широкой известности. Хотя какой пасынок? Нахлебник!

5

Они сидели на кухне.

Литвин никак не мог начать рассказывать. Придется в какой-то степени оправдываться, а он этого не любил. Хотя, кто же еще его поймет?

– Ну?! – опросил Астахов.

Георгию нравился стиль его работы. Тот мог выдвинуть самую абсурдную версию и потом именно она оказывалась единственно правильной. Обладая острым складом ума и склонностью к мрачному юмору, он никогда не верил в непогрешимость начальства. Оно отвечало ему настороженным уважением.

Сегодня, окончательно очутившись в тупике, Литвин пришел за помощью. Когда дело «шло», в голове выстраивалось нечто изящное, логичное и красивое. Такие дела Литвин раскрывал с блеском. Но бывает, завязнешь в путанице фактов, и нет зацепочки, которая превращает всю эту неразбериху в кристаллическую решетку доказательств.

Сейчас было так плохо, как никогда.

Астахов внимательно посмотрел на Литвина.

– Насколько это серьезно? – спросил он.

– Серьезней не бывает. После сегодняшней выволочки, всякий уважающий себя офицер должен был бы подать в отставку.

– Этого-то он только и дожидается. Но торопится, торопится...

– И главное – упирает на эти странные кражи из машин. Непонятно..

– Мы ленивы и не любопытны... – усмехнулся Астахов.

– Ты знаешь что-то? – удивился Литвин.

– Чью машину там еще изуродовали? – не отвечая спросил Астахов.

– Товароведа с овощной базы.

– Правильно. А кто у него жена?

– Портниха... – удивленно протянул Литвин, не понимая.

– Классная портниха! Ясно? Классная!!! И попасть в число ее клиентов не так просто. А жена нашего горячо любимого зама среди избранных. Дальше тебе надо объяснять?

– С этим ясно. Но при чем тут я?

– Разгневанная жена – великий стимул для проведения воспитательной работы среди подчиненных, – произнес Астахов со знанием дела. С полгода назад он развелся, и эти истины ему были еще близки.

– Но чего «Граммфон» добивается от меня? Мальчик для битья нужен?

– 3-э, нет! Все много тоньше. Где-то ты, брат, ему дорогу перебежал. А он свое дело знает! И заявление не случайно к тебе попало. С первого взгляда – какая проблема?.. Подумаешь, из автомобилей вещи выносят. Так? Дальше наверху и разбираться не будут. Вполне справедливо, кстати. А что сложности? Это твои сложности. И что кажущаяся простота преступления совсем не предполагает простоту поиска, скорее наоборот – это утешение для тебя и узкого круга друзей. На этом «деле» Трубников хочет тебя подловить. Не раскроешь – он сделает с тобой все, что захочет. Раскроешь – славы не жди.

– Да, все оказывается сложнее, чем я предполагал. – Литвин помрачнел.

– Жестокие игры. Правила учат только на собственной шкуре. Ну, ты не скисай! Давай лучше разберемся, прикинем, что к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.